

— Я не разобьюсь насмерть?

Голос Су Мо дрожал, когда он поднял голову и обратился к загорелому инструктору.

— Нет.

Инструктор ответил мгновенно, ведь он уже сотни раз слышал этот вопрос и давно привык к нему.

Трое наконец добрались до платформы для банджи-джампинга, которая выступала примерно на 20 метров, словно недостроенный мост, висящий в воздухе.

Внутри Су Мо шла борьба, но он всё никак не решался прыгнуть.

Сун Юньсюань понял, что нужно вмешаться. Пока Су Мо задавал вопросы инструктору, он резким движением толкнул его с обрыва.

В долине раздался крик:

— А-а-а-а!

А затем эхом прокатилось:

— Сун Юньсюань, я твою мать!

Сун Юньсюань посмотрел вниз и с удовлетворением одобрил своё решение.

Су Мо, оказавшись в воздухе, побледнел от страха. Без опоры под ногами он чувствовал ужас, но, выкрикнув, почувствовал, как его тело перестало падать и подбросило вверх. В этот момент он ощутил невероятную лёгкость.

Особенно, когда он раскачивался в воздухе, словно на качелях, это чувство свободы и раскрепощения было для него впервые в жизни.

В тот момент Су Мо влюбился в банджи-джампинг.

Поднявшись наверх, он только произнёс:

— Я жив.

На его лице читалось изумление.

Сун Юньсюань велел инструктору связать их страховочные тросы вместе. Су Мо, не понимая, что происходит, спросил:

— Что ты делаешь?

Но не успел осмыслить ситуацию, как Сун Юньсюань обнял его и прыгнул с обрыва.

— Держись крепче...

Сун Юньсюань крикнул в небо, а ветер свистел в ушах обоих.

Су Мо инстинктивно обхватил Сун Юньсюаня, хотя в момент прыжка он снова возненавидел его. Но это невероятное ощущение свободы растворило всю злость.

Он крепко держал Сун Юньсюаня, пока их тела раскачивались в воздухе, как огромные качели.

В тот момент он понял, что значит быть на грани смерти, держась друг за друга.

Говорят, если ты любишь кого-то, своди его на банджи-джампинг.

Сун Юньсюань записал эту фразу в свой блокнот.

На седьмой день отдыха Су Мо получил новый сценарий. По распоряжению компании ему предстояло снова вернуться к съёмкам.

Как говорил Сун Юньсюань: «Говори через свои работы».

К счастью, место съёмок было в Цзинси, поэтому Су Мо мог возвращаться домой после работы.

Лэ Шань и У Ю с самого утра принесли сценарий. Эти двое были настолько усердны, что Су Мо даже побаивался их. Если Сун Юньсюань что-то поручал, они бежали быстрее зайца и были послушнее белки.

Су Мо взглянул на название фильма — «Нам 17 лет». Хорошо, что это не исторический сюжет. Из древности он вернулся в современную школу.

Но это был его выбор, так что жаловаться он не стал. Лежа на диване, он бегло просмотрел сюжет.

Его партнёршей по фильму была участница женской группы, красивая и обаятельная, как сказал Лэ Шань.

— Не знал, что ты фанат звёзд, — подшутил Су Мо, услышав, как Лэ Шань восхищённо говорил о девушке, которую он, как типичный отаку, называл «богиней».

Су Мо смутился.

На следующее утро трое отправились в съёмочную группу, несмотря на ледяной ветер. В первый день, конечно, нужно было всех поприветствовать и наладить контакты.

Однако, в отличие от съёмочной группы на горе Ци, здесь никто не обращал на Су Мо внимания. Честно говоря, это был большой контраст. На горе Ци Фу Чжэн и низкорослый парень относились к нему как к идолу. Хотя условия проживания и еда были хуже, отношение было на высоте.

Здесь же он явно оказался не в почёте. Ему было неудобно заявлять, что он человек от инвестора. Это звучало бы слишком мерзко.

Трое вынуждены были спрашивать у каждого, где находится режиссёр. Большинство игнорировали У Ю и Лэ Шаня. Су Мо вернулся в машину, ожидая. На улице становилось всё холоднее.

Неизвестно, кто им подсказал, но какой-то статист указал направление, и двое поспешили к режиссёру. Подойдя к нему, они начали кланяться, а Лэ Шань быстро вернулся в машину, чтобы сообщить Су Мо, что режиссёр найден, и снова поклонился:

— Здравствуйте, режиссёр.

Режиссёр взглянул на Су Мо, бросил:

— Хм, — и добавил:

— Нормально.

Он посмотрел на человека, которого подсунул инвестор. Он всегда презирал таких, кто пробивается через связи.

— Ты новичок, да?

Режиссёр затянулся сигаретой, выпустив густой дым, который повис в воздухе прямо перед лицом Су Мо.

Режиссёра звали Хуа Цзинмин, и все называли его Хуа-гэ. Снимая молодёжные фильмы, он повидал немало красавцев и знаменитостей. Такой новичок без опыта для него был никем.

Инвестор сказал ему, что Су Мо будет играть второго плана, и Хуа Цзинмин сразу понял, что это просто очередной «молодой и красивый», которому не доверяют серьёзные роли.

Пусть всё идёт своим чередом.

И он начал придирается к Су Мо.

— Жди, тебя вызовут, — бросил Хуа Цзинмин и ушёл.

Как только он отошёл, он велел костюмеру принести одежду для Су Мо и тихо что-то сказал ему. Они обменялись улыбками.

Увидев костюм, трое остолбенели. В ноябре, в летней школьной форме, можно было замёрзнуть до костей.

Лэ Шань огляделся. Все носили зимнюю форму, почему у Су Мо летняя? Он спросил, не ошибка ли это.

Костюмер презрительно ответил, что персонаж Су Мо — пылкий юноша, который всегда носит летнюю форму с короткими рукавами. Он любитель спорта, поэтому ему подготовили летнюю форму, ошибки нет.

— В сценарии этого нет, — возразила У Ю, которая уже прочитала сценарий. Она сама была сценаристкой и легко запоминала такие детали.

Костюмер с гордостью объяснил, что их режиссёр часто меняет сценарий на месте. Летняя форма больше подходит персонажу, и это было специальное изменение режиссёра.

Спорить дальше не имело смысла. Су Мо понял, что режиссёр с первого взгляда невзлюбил его, и эта форма была его специальной задумкой. Раз он его игнорирует, то даже ссылка на инвестора не поможет.

Су Мо пошёл с костюмером переодеваться, затем его позвали на грим. Лэ Шань и У Ю поспешили накинуть на него куртку, но ветер в Цзинси был действительно сильным.

Штаны были тонкими и хлопковыми, но холод приходилось терпеть.

Трое нашли место и ждали своей очереди на съёмочной площадке. Но здесь, в отличие от горы Ци, всё было на открытом воздухе, на большом стадионе, где ветер продувал со всех сторон.

У Ю укрывала Су Мо, а Лэ Шань бегал в поисках горячей воды, но долго не возвращался.

У Ю решила, что завтра принесёт горячую воду сама. Эта съёмочная группа явно не считала второго плана человеком.

На площадке не было ни первого плана, ни главной актрисы. Когда у них не было сцен, они отдыхали в машине, а когда приходила их очередь, их вызывали.

Су Мо ждал среди второстепенных персонажей.

— Второй план, начинаем, — крикнул Хуа Цзинмин, затем несколько раз повторил, явно раздражённый.

Су Мо быстро снял куртку, У Ю убрала одеяло с его ног.

Он подбежал и спросил:

— Режиссёр, вы меня звали?

Су Мо хотел узнать, что именно они будут снимать. Он всё это время просто сидел, и никто не репетировал с ним.

Хуа Цзинмин снова затянулся сигаретой и указал на поливальную машину над головой:

— Ты не видишь?

Сегодня он не планировал снимать эту сцену, но раз уж Су Мо появился, да ещё и по протекции, он решил использовать этот момент, чтобы его поддеть.

Су Мо вспомнил сценарий. Сегодня они должны были снимать сцену, где он кричит на Сюй Хао под дождём?

На площадке, под руководством Хуа Цзинмина, быстро подготовились. Поливальная машина, персонал — всё было на месте.

Су Мо торопился запомнить реплики.

Три, два, один, начали.

Сказав это, Су Мо бросился под дождь. Едва он начал говорить, Хуа Цзинмин крикнул:

— Стоп! — сказав, что он плохо бежал.

Су Мо снова бросился под дождь, пробежал несколько шагов, и снова:

— Стоп! — на этот раз режиссёр сказал, что выражение лица не то.

В третий раз Су Мо побежал под дождь, и на этот раз Хуа Цзинмин не остановил его. Су Мо начал кричать на Сюй Хао:

— Сюй Хао, ты просто трус, ни на что не годный...

Наконец, он закончил. Хуа Цзинмин посмотрел запись и с отвращением сказал, что крик был недостаточно эмоциональным, и велел Су Мо выкладываться ещё больше.

<http://bllate.org/book/16635/1523917>